

ЛЕГИТИМАЦИЯ
И КРИТИКА НАСИЛИЯ
В МЕЖДУНАРОДНОМ
ПРАВЕ.
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

Л. Брок*

Рассматривается взаимосвязь истории войн с развитием международного права, в частности не предусмотренная в мировом проекте И. Канта возможность правового оправдания самовольного применения силы. Особое внимание уделяется противоречию между защитой прав человека и запретом на интервенцию, которое впервые явно сформулировано в мирном проекте Канта и осталось в нем не вполне разрешенным. Проводится анализ попыток преодолеть это противоречие в истории современного международного права и в его критике.

Ключевые слова: право на мир, гражданская война, гуманитарная интервенция, ООН, суверенитет, ответственность по защите.

С середины XIX столетия до конца Второй мировой войны происходила значительная трансформация международного права: в отличие от его классической версии, в Уставе ООН на первом плане стоит не регулирование войны, а сохранение мира. Можно усмотреть в этом воплощение сформулированного Кантом категорического императива международной политики. Но, разумеется, дело обстоит не так просто.

Основная причина перехода от права на войну (*Kriegsrecht*) к праву на мир (*Friedensrecht*) – всё более растущее ограничение некогда востребованного права государств вести войну на свое усмотрение (*liberum ius ad bellum*). Устав ООН объявляет всеобщий запрет на применение силы (ст. 2, п. 4), поддержанный разработкой системы коллективного обеспечения мира (гл. VI, VII и VIII Устава). Согласно положениям, закрепленным в этих главах, сила может применяться только для сохранения мира. Ее применение

* Институт политических наук (II), Гёте университет Сенкенберганлаге 31, 60325 Франкфурт-на-Майне

Поступила в редакцию 10.06.2012 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2013-4-3

© Брок Л., 2013

© Зильбер А.С., перевод, 2013

должно следовать правилам гл. VII Устава и требует одобрения Советом Безопасности ООН. Отдельные государства или группы государств могут самостоятельно идти на силовые меры только в случае, если сами подверглись нападению, и лишь до тех пор, пока Совбез со своей стороны не примет надлежащие меры по восстановлению мира. Эти постановления достаточно ясны и однозначны. Однако даже после принятия Устава снова и снова происходило самовольное применение силы отдельными государствами и группами государств. И масштабы происходящего стали таковы, что некоторые теоретики международного права говорят о «пустустановной парадигме помощи самому себе» [1, р. 328], то есть о замене запрета на применение силы мнимым обычным правом, которое состоит якобы в дозволении осуществлять в крайних случаях собственные правовые принципы самовольно и своими силами (критический разбор этого см. в [5]).

С прекращением противостояния Востока и Запада вопрос одностороннего применения силы стал еще более значимым, поскольку после 1990-х, с одной стороны, глобальное соглашение о правах человека получило более широкую поддержку, с другой — были многочисленные войны и конфликты, повлекшие серьезные нарушения данных прав. При оценке этого, прежде всего со стороны либеральной демократии, наблюдались попытки доказать, что здесь мы имеем дело с «новым типом войн», на которые международное сообщество должно реагировать по новым правилам [14; 15; 18; 22]. Если следовать логике этого рассуждения о «новых войнах», получается, что отдельные государства и их группы в случае необходимости трактуют право по-своему и в одностороннем порядке могут (и должны) применять силу, пока не существует новых правил и Совбез не способен действовать по старым. Это в высшей степени сомнительно, поскольку подорывает авторитет действующих правил международного права (запрет насилиия, коллективное поддержание мира). Складывается впечатление, что любая попытка ограничить право на войну на международном уровне создает лишь новые возможности оправдать применение силы. Так ли это? Имеет ли вообще смысл с этой позиции вести речь о трансформации международного права?

Ниже я покажу, что для данного тезиса есть серьезные основания. Я не утверждаю тем самым, что вопрос об одностороннем применении силы будет терять актуальность. Всегда найдутся такие государства, пытающиеся при необходимости осуществлять созданное ими право силовыми методами. Однако нормативные рамки, в которых ведется спор о применении силы, меняются, и вместе с этим изменением растут издержки односторонних силовых мер на внутриаполитическом и международном уровнях.

1. От права на войну к праву на мир

Как известно, Иммануил Кант назвал теоретиков классического международного права (Гроция, Пуффендорфа, Ваттеля) «плохими утешителями», на чьи учения «всё еще простодушно ссылаются для оправдания военного нападения» и чьи аргументы еще ни разу не «побудили какое-либо государство отказаться от своих замыслов» [AA, VIII, S. 355]. Эта ирония направлена против безудержного распространения использования тех оснований, которыми уже во времена Канта оправдывали войну. Кант хотел положить конец такой оправдательной практике. И применил следующий аргумент: эта практика следует логике естественного состояния, которое нужно преодолеть средствами позитивного права [9, S. 151]. После Канта на

этом пути были сделаны значительные успехи. Так, европейское международное право сперва перешло от учения о справедливой войне к нейтральному воздержанию от права на войну, на которое государства продолжали претендовать. В конце XIX столетия международное право начало отказываться от этого нейтралитета и действовать в направлении ограничения своеволия отдельного государства [3, S. 646]. Последующее развитие в первой половине XX в. вплоть до всеобщего запрета на применение силы в Уставе ООН, как известно, проходило не линейно, а стало результатом двух мировых войн. Переход от международного права на войну к праву на мир, таким образом, столь же тесно связан с историей войн, как и вся история международного права. В этом легко увидеть аргумент для скепсиса, с которым к правовому проекту Канта отнесся Л.Н. Толстой [16]. Тем не менее всеобщий запрет на применение силы в Уставе ООН можно интерпретировать как попытку — в соответствии с планом Канта — положить конец бесконечному оправданию войн. В связи с этим изменились нормативные рамки референции не только для *оправдания* насилия, но и для его *критики*, что имеет ключевое значение для способа функционирования международного права, по меньшей мере если понимать эту область как политический дискурс о праве.

Поворотный пункт в переходе от международного права на войну к праву на мир обозначен двумя Гаагскими конференциями — 1899 и 1907 гг. Хотя прежде всего эти конференции внесли дифференциацию в право *на* войне, *ius in bello* (Гаагское право). Но в контексте первого международного движения за мир, сформировавшегося в Европе и США, обе эти конференции дали толчок тому далеко идущему развитию, которое обрело конкретную форму в Лиге Наций, в пакте Бриана — Келлога и, наконец, в Уставе ООН. Этот результат заслуживает уважения.

Согласно ст. 2, п. 4 Устава ООН, государства-члены Организации обязываются отказаться

в своих внешних сношениях от применения силы и от любой угрозы, которая направлена против территориальной целостности или политической независимости другого государства, или иным образом несовместима с целями Организации Объединенных Наций.

Однако поскольку невозможно просто запретить применение силы без введения компенсирующих правил, развитые до этого идеи и концепции Гаагских мирных конференций и Лиги Наций были подхвачены и выстроены в систему мирного урегулирования конфликтов и коллективного обеспечения мира (гл. VI и VII Устава). Право на самооборону, согласно ст. 51, подчинено этой системе. Хотя ст. 51 сообщает о «естественном праве» на самооборону, она связывает применение этого права с жесткими условиями. Оно действует только тогда, когда произошло вооруженное нападение, и, как уже вкратце упомянуто выше, апеллировать к этому праву можно лишь до тех пор, пока Совет Безопасности не примет надлежащие меры по восстановлению мира. Из положения ст. 51 в системе Устава следует, что она не направлена на установление противовеса для коллективного обеспечения мира — напротив, самооборона является шагом к этому обеспечению. В некотором смысле это положение можно сравнить с внутригосударственным правом на необходимую оборону или чрезвычайную помощь. Это право не следует понимать и применять так, чтобы оно временно отменяло государственную монополию на применение силы и тем самым подрывало всеобъемлющий правопорядок. Необходимая оборона и чрезвычайная помощь должны, напротив, поддерживать этот правопоря-

док в тех крайних ситуациях, когда государство не может действовать обычным образом. Поэтому можно исходить из того, что Устав ООН не оставляет лазеек для самовольного применения силы [24, р. 73].

Миротворческие правила Устава подкреплены соответствующими резолюциями Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН и заново утверждены решениями всемирной встречи на высшем уровне в 2005 г. Международный суд вдобавок вынес заключение о том, что ограничительную интерпретацию права на самооборону следует относить к обычному международному праву [7, п. 230–246]. В этом смысле всеобщий запрет на применение силы как базовая норма системы ООН по коллективному обеспечению мира выступает непосредственно действующим правом (*ius cogens*). Оно распространяется на все государства независимо от того, являются ли они членами ООН и участниками пакта Бриана – Келлога, и, соответственно, действует без исключений для всех государств (*erga omnes*). Наряду с этим данное решение Международного суда указывает на то, что применение этой нормы подлежит судебной проверке, хотя по итогам такой проверки суд не вправе накладывать какие-либо санкции. Однако вместе с работой трибуналов по военным преступлениям в Нюрнберге и Токио, а также с созданием специальных трибуналов по бывшей Югославии и Сьерра-Леоне и, наконец, с учреждением Международного уголовного суда формируется международное уголовное право, по которому можно привлекать к ответственности отдельных лиц за их поведение в коллективных столкновениях. Эта «субъективация» государственных действий открывает новые перспективы в осуществлении права на международном уровне.

2. Право как ресурс для оправдания насилия

Связь пережитых войн с развитием международного права порождает вопрос: не предлагает ли международное право скорее протокол насилия, чем действенные шаги по его сдерживанию? Эта проблематика рассматривается ниже на примере запрета интервенции.

Запрет интервенции относится к базовым нормам Устава ООН (ст. 2, п. 7). Свою историческую значимость он получил прежде всего после постколониальных столкновений между Западом и Востоком, Севером и Югом. Во взаимосвязи Севера и Юга ему можно приписать эмансипирующую функцию, а в отношениях с Востоком – функцию сохранения мира. Между тем среди качеств новых политических элит Юга за претензией на эмансипацию во многих случаях скрывается склонность превращать освобождение и самоопределение (по возможности без больших издержек) в систему самообогащения. И в условиях конфликта Восток-Запад это служило легитимацией практики интервенций, которая защищала друг от друга определенные пространства гегемонии (в полном согласии с чаяниями Карла Шмитта). Хотя США при основании Организации американских государств одобрили запрет на интервенцию в его особенно далеко идущей форме, именно это дало им возможность преподнести свое вмешательство во внутрисостоятельные конфликты в Латинской Америке и в Карибском регионе как отражение вторжения интернационального коммунизма. Сходным образом обстояло дело с гегемониальной политикой Советского Союза в «мировой системе социализма», вторжения в которую оправдывались как защита от западного вмешательства и диверсий (доктрина Брежнева).

С прекращением противостояния Востока и Запада эта парадоксальная форма интервенционной политики, основанная на запрете интервенции, лишилась своей почвы. На смену ей на передний план в дискуссиях об интервенции вышла напряженность между прогрессирующей дифференциацией прав человека и претензиями государств на суверенитет — в виде вопроса о «гуманитарной интервенции». Томас Франк и Нигель Родли в начале 1970-х гг. выдвинули тезис о том, что «в теории» никто не способен опровергнуть аргументы в пользу гуманитарной интервенции, но на практике интервенции всегда служили еще и собственным интересам интервентов, а поэтому их следует оценивать и как нарушение запрета на применение силы [13, р. 278–279]. Поводом для этих выводов была гражданская война за отделение Восточного Пакистана от Западного. В эту войну вмешались индийцы. В числе прочих они привели аргумент, что так они защищают права человека и право на самоопределение. Франк и Родли тогда написали об этом:

(1) что одностороннее использование силы остается и должно оставаться под запретом, за исключением случаев самообороны против совершенного нападения, и что (2) хотя в ситуации с Бангладеш имеются важные смягчающие факторы, которые оправдывают поддержку со стороны Индии, эта ситуация все же не создает основу для определимого, осуществимого или желательного нового положения в законе, которое бы допускало некоторые виды односторонних военных вмешательств [13, р. 276].

Но это отнюдь не стало последней точкой в теме «гуманитарной интервенции». В конце 1980-х Фернандо Тесон (Fernando Tesson) внес новый аргумент в дискуссии: ст. 2, п. 4 Устава ООН запрещает лишь такое насилие, пишет он, которое несовместимо с целями Устава. Поскольку защита прав человека — цель Устава, применение силы (одностороннее) для этой цели допустимо [28]. После холодной войны такие прения о защите прав человека, в крайних случаях и военной, приобрели новую динамику. Они нашли выражение в проектах нормативной гармонизации защиты прав человека и запрета на применение силы. Имеются в виду: «воскрешение» учения о справедливой войне, продвижение концепта «благонадежного мирового гражданства» (*good international citizenship*) и новое определение суверенитета как ответственности.

(1) Воскрешение учения о справедливой войне должно было дать критерии допустимости коллективного применения силы на международном уровне. Оно не было направлено на то, чтобы подтвердить положение Совета Безопасности как единственной инстанции, правомочной принимать решения. Напротив, смысл обращения к этому (исторически изжившему себя) учению состоял именно в том, чтобы преподнести силовые меры как выполнение третьей стороной тех действий, организация которых предписана Совбезу [20]. (2) Базовое допущение, лежащее в основе концепции «благонадежного мирового гражданства», состоит в том, чтобы на мировом уровне было построено или строилось нормативно интегрированное «международное сообщество», в котором отдельные государства или группы государств могли бы выступать как защитники материальных норм, конститутивных для этого сообщества. Таким образом, эта «солидаристская» линия «Английской школы» включала и допустимость самостоятельного применения военной силы для защиты людей в конфликтах [29]. (3) В этой связи важнейшим проектом, сохранившим свое значение, является вклю-

чение ответственности в понятие суверенитета. Произошло это, главным образом, с подачи тогдашнего Генерального секретаря ООН Бутроса Бутрос-Гали и его суданского советника Франсиса Денга. Бризантность¹ этого проекта состояла в том, что он мог быть использован и для интервенционистской политики, которая уже не была обязана ссылаться на исключения из правила невмешательства или на конфликт целей в Уставе ООН, а могла позиционироваться напрямую как соблюдение гарантии суверенитета отдельного государства, направленное против его подрыва изнутри [17, р. 13]. Дополнительный аргумент от Райсмана [25]: понятие суверенитета с либеральной точки зрения относится к правам народа. В этом отношении гуманитарная интервенция и осуществление права на демократию не нарушают народный суверенитет, а напротив, служат его восполнению посредством помощи извне.

3. О срастании легитимации насилия с его критикой

В связи с вышеупомянутым Кант пишет:

При всей порочности человеческой природы, которая в неприкрытом виде проявляется в свободных отношениях между народами... все же удивительно, что слово «право» еще не изгнано полностью из военной политики как педантичное... [AA, VIII, 355].

Причина того, что политики упорно продолжают ссылаться на право, — очевидна. Любой политический деятель вынужден искать себе оправдание (даже если он на основании своей власти ошибочно верит, будто способен быть выше любых стандартов) [11]. Международное право в этом смысле предоставляет арену для самых современных оправдательных практик международной политики, потому что любая попытка определить условия допустимого насилия, чтобы ограничить произвольное применение силы, может быть использована как нормативный ресурс для оправдания насилия и таким образом внесет лепту в расширение применения насилия, поскольку любое правило для своего применения нуждается в интерпретации и тем самым создает возможность узаконить исключение из него.

Этот обзор все же не отдает нас с неизбежностью во власть Карла Шмитта, который, как известно, не был дружески настроен по отношению к Лиге Наций и пакту Бриана-Келлога. Ему, вслед за доктриной Монро, виделся «порядок больших пространств», каждое из которых строится вокруг гегемонии определенного государства и предоставляет гегемону свободу действий в своем пространстве [26]. Впоследствии на практике — в противоположность этому взгляду — исходили из того, что использование права в качестве ресурса легитимации всегда означает, что это право согласовано и признано (Affirmation). Так, практика легитимации укрепляет возможности собственной критики (или раздувания скандалов), которая затем оказывает обратное воздействие на политический процесс. Все это вовсе не обязательно вращается по кругу; речь идет скорее о борьбе за право, поддерживаемой как узкими интересами, так и нормативными кодексами, и в этой борьбе они смешиваются. Это взаимопроникновение узких интересов и нормативных кодексов (сегодня в том числе и на основе религии) нигде не обнаруживается столь явно, как в борьбе за ограничение сво-

¹ Взрывоопасность. — Примеч. перев.

боды государств в военных действиях. С одной стороны, здесь идет речь о функциональных взаимосвязях (ограничение и сохранение свободы действий в личных интересах), с другой — о нормативной динамике (правовое самоограничение и подчинение внешнему влиянию в виде повсеместно действующего права).

С этих позиций международное право само выступает участником сражений, которые оно призвано регулировать и (для цивилизации международных отношений) трансцендировать. Это обнаруживается в нескончаемых попытках преодолеть противоречие между защитой прав человека и запретом на интервенцию с помощью концепции «ответственность по защите» (*Responsibility to Protect*, сокр. *R2P* — англ.). Международная комиссия по интервенции и государственному суверенитету (ICISS) пыталась разрешить это противоречие путем дифференциации возможностей действия. С одной стороны, она разработала структуру юрисдикции, в которой отдельному государству отводилось место в лучшем случае четвертой инстанции (после уровней Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи ООН, региональных организаций), что исключало вероятность односторонней интервенции. С другой стороны, проблема вооруженной интервенции была релятивирована тем, что ответственность по защите разделили на «обязанность предотвращать», «реагировать» и «восстанавливать»² [17].

Саммит ООН 2005 г. принял этот проект, но модифицировал его. Мера по снятию напряженности между защитой прав человека и сохранением мира в этом случае состояла в том, чтобы ограничить ответственность по защите от четырех видов преступлений (защита от геноцида, этнических чисток, военных преступлений и преступлений против человечности) и смягчить интервенционную проблематику следующими тремя особенностями этой ответственности. Во-первых, она лежит на любом правительстве (это подчеркивается сильнее, чем в предложениях ICISS). Во-вторых, международное сообщество должно поддерживать в первую очередь конкретные правительства в выполнении их обязательств. В-третьих, международное сообщество выступает в лице Совета Безопасности, если какое-либо правительство не способно или не желает исполнять свои обязательства. Несмотря на этот пересмотр роли Совета Безопасности как компетентной инстанции, концепция *R2P* в редакции 2005 года все еще вызывала недоверие тех государств, которые она потенциально затрагивала. И очевидно, вполне справедливо. Потому что по-прежнему оставалась возможность понять резолюцию 2005 г. как усиление ответственности по защите, которое именно поэтому подтверждает допустимость односторонних действий в том случае, если Совет Безопасности оказывается неспособным принять меры. В этом смысле высказывалась Алисия Беннон (Alicia Bannon). На ее взгляд, единственное упоминание о Совете Безопасности представляло собой лишь ссылку на преференцию саммита, а не обязательное правовое условие для вмешательства с целью защиты людей от чрезмерного насилия [2].

Но даже если достаточно могущественные государства будут строго придерживаться постановлений Совбеза, останется проблемой то, что Совбез не располагает собственными вооруженными силами, поэтому сохранится обычная практика, применяемая со времен войны в Персидском заливе: предоставлять государствам-членам право на реализацию тех мер, которые они считают уместными. Одно из возможных последствий этой практики делегирования в том, что меры по коллективному обеспечению

² Англ. *responsibility to prevent, to react, to rebuild*.

мира превращаются в войну отдельных государств. Это еще раз показала интервенция в Ливию, которая была задумана именно как мера коллективного обеспечения мира, но реализована как полностью самостоятельная операция стран НАТО.

Другой, более глубокий спорный вопрос касается соотношения суверенитета и ответственности по защите. Как уже упоминалось, понятие народного суверенитета используется некоторыми сторонниками гуманитарной интервенции для ее оправдания. При этом подходе защита народа от недопустимого насилия одновременно служит защите суверенитета (Reisman, 2000). Согласно противоположному доводу стороннее вмешательство в отношения государства с обществом как раз ставит народный суверенитет под вопрос. Самоопределение — с этой позиции — переходит в зависимость (Fremdbestimmung), если оно становится объектом внешних интересов [8; 22].

4. Выводы

Итак, ограждает право от насилия или узаконивает его? В первую очередь, право предоставляет базовые рамки для борьбы за оправдание насилия. При этом оно служит и как ресурс его легитимации, и как основа его критики. Важно здесь то, что любое применение силы нуждается в оправдании. Следовательно, тот, кто применяет силу, зависит от оправдания больше, чем тот, кто избегает этого. Развитие «оправдательных отношений» [11] на международном уровне прошло как переход от права на войну к праву на мир, зафиксированный в Уставе ООН и подтвержденный практикой международных судов. Так что выводы о прогрессе международного права не опровергаются практикой применения силы. И в этом отношении можно ответить на вопрос, поставленный в начале статьи, исходя из того, что, безусловно, есть достаточные основания говорить о трансформации международного права. Но в контексте новых дискурсов о войне сейчас появился вопрос о том, не назревает ли его новая трансформация: от сохранения мира к осуществлению общественных запросов (entitlements). «Субъективация» частей международного права, то есть наделение личности и малых групп личностей (Lebensgemeinschaften) статусом субъектов международного права [10], указывает именно на данное направление. В этом смысле Совет Безопасности уже рутинно требует защищать мирных жителей в санкционированных им миротворческих миссиях. Правда, делает он это со ссылкой на гуманитарное международное право, которое применяется в рамках миротворческих миссий по соглашению с соответствующим конкретным правительством. Совет Безопасности не спешит менять обоснование принудительных мер с угрозы международному миру (ст. 39 Устава ООН) на защиту людей в конфликтах согласно гл. VII Устава. Эту нерешительность необязательно толковать как слабость системы ООН. Она отражает, с одной стороны, противоречивый опыт прошедших двадцати лет практики насильственных интервенций, а с другой — понимание того, что государства постоянно стремятся использовать международное право, чтобы продолжать составление «тайного плана», а именно отстаивать свою свободу военных действий [4, S. 69].

Список литературы

1. *Arendt An.C., Beck R.J.* International Law and the Recourse to Force: A Shift in Paradigms // *International Law. Classical and Contemporary Readings* / Eds. Ch. Ku, P.F. Diehl. Boulder ; L., 1998. P. 327–351.
2. *Bannon Al.* Comment: The Responsibility to Protect: The UN World Summit and the Question of Unilateralism // *The Yale Law Journal*. 2006. №115. P. 1157–1164.
3. *Bothe M.* Friedenssicherung und Kriegsrecht: Das rechtliche Verbot von Gewalt // *Völkerrecht* / Hrsgs. M. Bothe, G.W. Vitzhum. Berlin, 2010. S. 639–740.
4. *Bothe M.* An den Grenzen der Steuerungsfähigkeit des Rechts: Kann und soll es militärischer Gewalt Schranken setzen? // *Frieden durch Recht?* / Hrsgs. P. Becker [et al.]. Berlin, 2010. S. 63–70.
5. *Brock L.* The Use of Force by Democracies in the Post-Cold War Era. From Collective Action Back to Pre-Charter Self Defense? // *Redefining Sovereignty. The Use of Force after the End of the Cold War: New Options, Lawful and Legitimate?* / Eds. M. Bothe [et al.] Ardsley ; N. Y., 2005. P. 21–52.
6. *Brock L.* Frieden durch Recht // *Frieden durch Recht?* / Hrsgs. P. Becker [et al.]. Berlin, 2010. S. 15–34.
7. *Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua.* International Court Of Justice, Application instituting proceedings filed in the Registry of the Court on 9 April 1984. URL: www.icj-cij.org/docket/files/70/9615.pdf (дата обращения: 28.08.2012).
8. *Cunliffe Ph.* A Dangerous Duty: Power, Paternalism and the Global, Duty of Care' // *Critical Perspectives on the Responsibility to Protect* / Eds. Ph. Cunliffe. L. ; N. Y., 2011. P. 51–70.
9. *Eberl O., Niesen P.* Immanuel Kant. Zum ewigen Frieden und Auszüge aus der Rechtslehre. Kommentare. Frankfurt ; Berlin, 2011.
10. *Fischer-Lescano A., Hanschmann F.* Subjektive Rechte und völkerrechtliches Gewaltverbot // *Frieden durch Recht?* / Hrsgs. P. Becker [et al.]. Berlin, 2010. S. 182–221.
11. *Forst R.* Kritik der Rechtfertigungsverhältnisse. Berlin, 2011.
12. *Franck T.* The Emerging Right to Democratic Governance // *American Journal of International Law*. 1992. №86:1. P. 46–91.
13. *Franck T., Rodley N. S.* After Bangladesh: The Law of Humanitarian Intervention by Military Force // *American Journal of International Law*. 1973. №67:2. S. 275–305.
14. *Geis A.* Den Krieg überdenken. Kriegsbegriffe und Kriegstheorien in der Kontroverse // *Den Krieg überdenken* / Hrsg. A. Geis. Baden-Baden, 2006. S. 9–43.
15. *Kaldor M.* New and Old Wars: Organized Violence in a Global Age. Cambridge, 1999.
16. *Krouglov A.N.* Das Problem des Friedens bei I. Kant und L. N. Tolstoj // *War and Peace: the Role of Sciences and Arts* / Eds. S. Nour, O. Remaud. Berlin, 2010. S. 257–264.
17. *ICISS (International Commission on Intervention and State Sovereignty).* The Responsibility to Protect. Ottawa, 2001.
18. *Knöbl W., Schmidt G.* (Hrsgs.). Die Gegenwart des Krieges. Frankfurt, 2000.
19. *Liste Ph.* Völkerrecht-Sprechen. Die Konstruktion demokratischer Völkerrechtspolitik in den USA und der Bundesrepublik Deutschland. Baden, 2011.
20. *Mayer P.* War der Krieg der NATO gegen Jugoslawien moralisch gerechtfertigt? // *Zeitschrift für International Beziehungen*. 1999. №6:2. S. 287–321.
21. *Maus I.* Verfassung oder Vertrag? Zur Verrechtlichung globaler Politik // Hrsgs. B. Herborth, P. Niesen. Anarchie der kommunikativen Freiheit. Jürgen Habermas und die Theorie der internationalen Politik. Frankfurt, 2008. S. 350–382.
22. *Maus I.* Über Volkssouveränität. Elemente einer Demokratietheorie. Berlin, 2011.
23. *Münkler H.* Die neuen Kriege. Reinbek, 2002.
24. *O'Connell M. E.* Responsibility to Peace. A Critique of R2P // *Critical Perspectives on the Responsibility to Protect* / Ed. Ph. Cunliffe. L. ; N. Y., 2011. P. 71–83.
25. *Reisman W.M.* Sovereignty and Human Rights in Contemporary International Law // *Democratic Governance and International Law* / Eds. G. H. Fox, B. R. Roth. Cambridge, 2000. P. 239–258.

26. Schmitt C. USA und die völkerrechtlichen Formen des modernen Imperialismus // Schmitt C. Frieden oder Pazifismus? Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978 / Hrsg. G. Maschke. Berlin, 2005. S. 249–377.

27. Schneider P. Frieden durch Recht. Von der Einhegung des Krieges zur gewaltfreien Konfliktbeilegung // Frieden durch Recht / Hrsgs. P. Schneider [et al.]. Baden-Baden, 2003. S. 27–55.

28. Tesson F. Humanitarian Intervention. An Inquiry into Law and Morality. N.Y., 1988.

29. Wheeler N. Saving Strangers. Humanitarian Intervention and International Society. Oxford, 2000.

Об авторе

Лотар Брок — проф. Института политических наук Франкфуртского университета им. И. В. Гёте, brock@hsfk.de

О переводчике

Андрей Сергеевич Зильбер — ст. преп. кафедры философии и культурологии Калининградского государственного технического университета, a-zilb@ya.ru

THE LEGITIMATION AND CRITICISM OF VIOLENCE IN INTERNATIONAL LAW. A POLITICAL SCIENCE PERSPECTIVE

L. Brock

This article considers the practice of justification of arbitrary use of force, which poses a paradox and was not foreseen in Kant's peace project. It is paradoxical because modern international law – unlike classical law – is aimed not at regulating wars but maintaining peace. However, the UN Charter provides for the right to self-defence before the collective resolution is adopted. Despite rather strict legal restrictions and international court procedures, cases of abuse of this right occur on a frightening scale. A considerable threat is posed by that it is 'indirect' self-defence manifested in interventions, be it 'humanitarian' interventions to protect a diaspora (human rights) or the fight for the sphere of influence (in the name of sovereignty) well-known since the Cold War. Thus, both variants considered by Kant proved to be vulnerable; the ambiguities, which were almost unnoticeable in his ban on intervention, have come to the fore. An attempt was made to justify humanitarian intervention through the ban to use force for the purposes contradicting the goals of the UN Charter, whereas human rights protection is one of them. Thus, any formulation of conditions for admissible violence can be used for its justification, since exceptions come hand in hand with rules. This article considers the advantages and disadvantages of the concept of "responsibility to protect", which proves to be dominant today. The author also poses the question about the transition to a new focus of international law – from maintaining peace to meeting social requirements.

Key words: right to peace, civil war, humanitarian intervention, UN, sovereignty, responsibility to protect.

References

1. Arend, A. C., Beck, R. J. 1998, International Law and the Recourse to Force: A Shift in Paradigms. In: Ku, Ch., Diehl, P. P. F. (Hrsgs) *International Law. Classical and Contemporary Readings*, London, Lynne Rienner, p. 327–351.

2. Bannon, A. 2006, Comment: The Responsibility to Protect: The UN World Summit and the Question of Unilateralism, *The Yale Law Journal*, no. 115, p. 1157–1164.

3. Bothe, M. 2010, Friedenssicherung und Kriegsrecht: Das rechtliche Verbot von Gewalt. In: Bothe, M., Vitzhum, W. (Hrsgs) *Völkerrecht*, Berlin, de Gruyter Recht, S. 639–740.
4. (a) Bothe, M. 2010, An den Grenzen der Steuerungsfähigkeit des Rechts: Kann und soll es militärischer Gewalt Schranken setzen? In: Becker, P., Braun, R., Deiseroth, D. (Hrsgs) *Frieden durch Recht?* Berlin, Berliner Wissenschaftsverlag, S. 63–70.
5. Brock, L. 2005, The Use of Force by Democracies in the Post-Cold War Era. From Collective Action Back to Pre-Charter Self Defense? In: Bothe, M., O'Connell, M.E., Ronzitti, N. (Hrsgs) *Redefining Sovereignty. The Use of Force after the End of the Cold War: New Options, Lawful and Legitimate?* Ardsley/New York: Transnational Publishers, p. 21–52.
6. Brock, L. 2010, Frieden durch Recht In: Becker, P., Braun, R., Deiseroth, D. (Hrsgs) *Frieden durch Recht?* Berlin, Berliner Wissenschaftsverlag, S. 15–34.
7. *Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua. International Court Of Justice, Application instituting proceedings filed in the Registry of the Court on 9 April 1984*, available at: www.icj-cij.org/docket/files/70/9615.pdf (accessed 28 August 2012).
8. Cunliffe, Ph. 2011, A Dangerous Duty: Power, Paternalism and the Global 'Duty of Care'. In: *Critical Perspectives on the Responsibility to Protect*, London/New York, Routledge, p. 51–70.
9. Eberl, O., Niesen, P. 2011, *Immanuel Kant. Zum ewigen Frieden und Auszüge aus der Rechtslehre. Kommentare*, Frankfurt, Berlin: Suhrkamp.
10. Fischer-Lescano, A., Hanschmann, F. 2010, Subjektive Rechte und völkerrechtliches Gewaltverbot. In: Becker, P., Braun, R., Deiseroth, D. (Hrsgs) Berlin, Berliner Wissenschaftsverlag, S. 182–221.
11. Forst, R. 2011, *Kritik der Rechtfertigungsverhältnisse*, Berlin, Suhrkamp.
12. Franck, Thomas. 1992. The Emerging Right to Democratic Governance. In: *American Journal of International Law* 86:1 (1992). P. 46–91.
13. Franck, T., Rodley, N. S. 1973, After Bangladesh. The Law of Humanitarian Intervention by Military Force, *American Journal of International Law*, Vol. 67, no. 2, p. 275–305.
14. Geis, A. 2006, Den Krieg überdenken. Kriegsbegriffe und Kriegstheorien in der Kontroverse. In: *Den Krieg überdenken*, Baden-Baden, Nomos, p. 9–43.
15. Kaldor, M. 1999, *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Age*. Cambridge, Polity Press.
16. Krouglov, A.N. 2010, Das Problem des Friedens bei I. Kant und L. N. Tolstoj. In: Nour, S., Remaud, O. (eds.) *War and Peace: the Role of Sciences and Arts*, Berlin, S. 257–264.
17. *ICISS (International Commission on Intervention and State Sovereignty)*, 2001, The Responsibility to Protect, Ottawa, International Development Research Center.
18. Knöbl, W., Schmidt, G. (Hrsg.) 2000, *Die Gegenwart des Krieges*. Frankfurt, Fischer.
19. Liste, Ph. 2011, *Völkerrecht-Sprechen. Die Konstruktion demokratischer Völkerrechtspolitik in den USA und der Bundesrepublik Deutschland*, Baden-Baden, Nomos.
20. Mayer, P. 1999, War der Krieg der NATO gegen Jugoslawien moralisch gerechtfertigt? *Zeitschrift für Internationale Beziehungen*, Vol. 6, no. 2, S. 287–321.
21. Maus, I. 2008, Verfassung oder Vertrag? Zur Verrechtlichung globaler Politik. In: Herborth, B. Niesen, P. (Hrsg.) *Anarchie der kommunikativen Freiheit. Jürgen Habermas und die Theorie der internationalen Politik*, Frankfurt, Suhrkamp, S. 350–382.
22. Maus, I. 2011, *Über Volkssouveränität. Elemente einer Demokratietheorie*, Berlin, Suhrkamp.
23. Münkler, H. 2002, *Die neuen Kriege*, Reinbek, Rowohlt.
24. O'Connell, M. E. 2011, Responsibility to Peace. A Critique of R2P. In: Cunliffe, Ph. (Hrsg.) *Critical Perspectives on the Responsibility to Protect*, London/New York, Routledge, p. 71–83.
25. Reisman, W. M. 2000, Sovereignty and Human Rights in Contemporary International Law. In: Fox, G. H., Roth, B. R. (Hrsgs.) *Democratic Governance and International Law*, Cambridge, Cambridge University Press, p. 239–258.
26. Schmitt, C. 2005, USA und die völkerrechtlichen Formen des modernen Imperialismus. In: Maschke, G. (Hrsg.) *Frieden oder Pazifismus? Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*, Berlin, Duncker & Humblot, S. 249–377.

27. Schneider, P. 2003, Frieden durch Recht. Von der Einhegung des Krieges zur gewaltfreien Konfliktbeilegung. In: Schneider, P., Thony, Kr., Müller, E. (Hrsg.) *Frieden durch Recht*, Baden-Baden, Nomos, S. 27–55.

28. Tesson, F. 1988, *Humanitarian Intervention. An Inquiry into Law and Morality*, New York, Transnational Publishers.

29. Wheeler, N. 2000, *Saving Strangers. Humanitarian Intervention and International Society*, Oxford, Oxford University Press.

About the author

Prof. Lothar Brock, Institute of Political Science (II), Goethe University Frankfurt am Main, brock@hsfk.de, Senckenberganlage 31, 60325 Frankfurt am Main.

About the translator

Andrey Zilber, Assistant Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Kaliningrad State Technical University, a-zilb@ya.ru